

Теодор Драйзер
—
Титан

Москва
2023

Теодор Драйзер
—
Титан

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д72

Theodore Dreiser
THE TITAN

Перевод с английского *Кирилла Савельева*

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Драйзер, Теодор.
Д72 Титан / Теодор Драйзер ; [перевод с английского
К. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. — (Яркие
страницы).

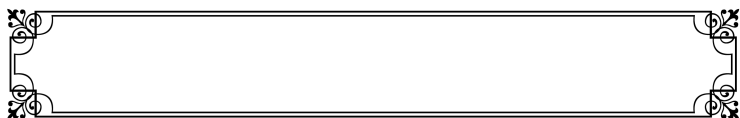
ISBN 978-5-04-116103-3

Вторая часть знаменитой «Трилогии желания» о финансисте Фрэнке Каупервуде, начавшем все сначала после филадельфийской тюрьмы. Бурлящий Чикаго — и большой бизнес, политика, любовь — все подчиняется воле главного героя.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116103-3

© Савельев К., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА I

НОВЫЙ ГОРОД

Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из тюрьмы Восточного округа Филадельфии, он понимал, что с прежней жизнью в городе его детства навсегда покончено. Юность прошла, и вместе с ней канули его грандиозные деловые замыслы. Придется все начинать сначала.

Не стоило повторять, каким образом вторая волна биржевой паники, связанная с банкротством «Джей Кук и К^о», помогла ему вновь нажать состояние. Возвращение богатства до некоторой степени смягчило его ожесточение... Казалось, сама судьба позаботилась о его благополучии. Но, так или иначе, биржевые авантюры как способ приобретения капитала теперь внушали ему отвращение, и он решил раз и навсегда покончить с этим. Он займется чем-нибудь другим: городской рельсовый транспорт, земельные сделки — безграничные возможности дает Запад. Филадельфия больше не привлекала его. Хотя теперь он был свободен и богат, он оставался скандальной фигурой, неприемлемой для лицемерных светских и финансовых кругов. Ему придется прокладывать путь в одиночку, без чьей-либо помощи, под пристальным вниманием бывших друзей, которые будут издали следить за его карьерой. С этими мыслями он уезжал, а его очаровательная любовница, которой исполнилось двадцать шесть лет, приехала на вокзал, чтобы проводить его. Каупервуд с нежностью смотрел на нее; для него она была воплощением женской красоты.

— До свидания, дорогая, — он улыбнулся, когда звонок известил о скором отправлении поезда. — Мы с тобой скоро выберемся отсюда. Не грусти. Я вернусь через две-три недели

или сообщу, что ты можешь приехать ко мне. Я бы взял тебя с собой уже сейчас, но сначала нужно осмотреться. Мы найдем подходящее жилье, и ты увидишь, что мы зайдем достойное положение в обществе. Тучи развеются. Я добьюсь развода, мы поженимся, и все образуется. С деньгами можно все.

Он смотрел на нее спокойно и внимательно, когда она обняла ладонями его лицо.

— Ох, Фрэнк, — воскликнула она. — Я буду скучать по тебе! Ты все, что у меня есть.

— Через две недели! — Он снова улыбнулся, когда поезд тронулся. — Я вернусь или пришлю телеграмму. Будь хорошей девочкой, моя милая.

Она проводила его обожающим взглядом. Жертва любви, избалованное дитя, любимица семьи, пылкая, страстная натура, которая притягивает мужчин, — она откинула головку с прелестными рыжевато-золотистыми локонами и послала ему воздушный поцелуй. Потом она пошла прочь уверенной плавной походкой, заставляя мужчин оглядываться на нее.

— Это она! — обратился один станционный служащий к другому. — Это дочь старого Батлера. Бог ты мой! О такой девушке можно только мечтать!

Это была дань страсти и зависти, что обычно отдают здоровью и красоте. Тому, на чем держится мир.

До этой поездки Каупервуду никогда не приходилось бывать западнее Питтсбурга. Какими бы успешными ни были его невероятные финансовые авантюры, они ограничивались косным и благоразумным филадельфийским мирком с его устоявшейся кастовой системой, претензиями на социальное превосходство и традиционное лидерство в коммерческой жизни Америки, консервативным богатством, безвкусной респектабельностью и предпочтениями, которые из этого вытекают. Каупервуд помнил, как он едва не покорил этот уютный мирок и не присвоил его святыни, пока не наступил крах. Он почти добился своей цели, однако теперь он стал Измаилом, изгнанником, и бывшим преступником, хотя и миллионером. Но подождите! Это гонка для проворных и битва для сильных, снова и снова повторял он себе. Он еще испытает мир на прочность и постарается выдержать его давление.

На второе утро перед Каупервудом наконец замаячил Чикаго. Он провел две ночи в вульгарно обставленном пульмановском вагоне, изобилием бархатной обивки и зеркал не возмещавшем неудобства путешествия, прежде чем появились окраины столицы прерий. Соседние пути разветвлялись и становились все более многочисленными, телеграфные столбы обрастали густой паутиной проводов. Где-то вдали виднелись отдельные дома, в которых жили предприимчивые люди, построившие себе жилье подальше, чтобы когда-нибудь пользоваться скромными преимуществами, которые принесет разрастающийся город.

Местность была плоской, с чахлыми кустиками бурой прошлогодней травы, слегка колыхавшимися под утренним ветром. Внизу едва проступала новая зелень как знак приближающейся весны. Ясный воздух скрывал очертания города за легкой дымкой, словно муху, застывшую в янтаре, и придавал ему трогательную выразительную красоту. Будучи преданным любителем искусства, стремившимся разбираться в его тонкостях и глубоко сожалевшим об утрате своей коллекции, собранной в Филадельфии, Каупервуд ценил любые красивые проявления природы.

Густота железнодорожных путей увеличилась. Здесь собрались тысячи грузовых вагонов со всех концов страны: красные, желтые, голубые, зеленые и даже белые. (Как он помнил, Чикаго был конечной станцией более тридцати железнодорожных направлений.) Низкие одноэтажные и двухэтажные домишки, видно, недавно построенные и часто некрашенные, были закопчены и покрыты пятнами сажи. На переездах терпеливо ожидали вагоны конки и двухместные коляски с грязными колесами. Он замечал, что дороги ровные и немощеные, а тротуары — в ямках и неровностях, с невысокими ступенями и переходами перед домами, длинными дощатыми настилами, уложенными прямо в пыль прерии. Что за город! Вскоре показался рукав неширокой, кичливой и оживленной реки Чикаго с пыхтящими буксирами, маслянистой темной водой и высокими красными, коричневыми и зелеными башнями элеваторов, огромными черными угольными доками и желто-бурыми складами пиломатериалов.

Здесь кипела жизнь, и он сразу почувствовал это. Бурлящий город рос и строился буквально на глазах. Даже в самом воздухе присутствовало нечто бодрящее и энергичное. Как это отличалось от Филадельфии! Она тоже была деловитым городом, и когда-то Каупервуд считал ее удивительным городом, удивительным миром. Но этот город, хотя и являвший собой еще неприглядное зрелище, был лучше. Он выглядел более молодым и многообещающим. В лучах утреннего солнца, лившихся между двумя угольными бункерами, пока поезд стоял перед разводным мостом, пропуская в обе стороны с десяток громадных барж с зерном и древесиной, он видел группу ирландских грузчиков, отдохавших на берегу перед лесным складом, стена которого подступала к воде. Это были здоровенные мужчины в синих и красных спецовках, подпоясанных широкими ремнями, с короткими трубками в зубах: славные, крепкие и загорелые представители своего ремесла. Он невольно задавался вопросом: почему они выглядят так привлекательно? Этот грязный и примитивный город самым естественным образом предлагал волнующие живописные картины. Настоящая песня! Здешний мир был молод и открывал новые просторы для жизни. Вряд ли стоит уезжать отсюда на Северо-Запад, но это он решит потом.

Он имел при себе рекомендательные письма к влиятельным гражданам Чикаго, которые собирался предъявить. Он хотел познакомиться с некоторыми банкирами, хлеботорговцами и комиссионерами. Чикагская торговая биржа представляла для него интерес, поскольку он отлично разбирался в этом бизнесе, именно здесь совершались крупнейшие сделки по купле и продаже зерна.

Поезд миновал облезлые задворки и приблизился к грязным дощатым платформам под наскоро возведенными крышами. Пока паровозы изрыгали дым, а пассажиры деловито сновали взад-вперед, Каупервуд выбрался на Кэнэл-стрит и подозвал кэб, первый в длинном ряду ожидающих экипажей, что свидетельствовало о потугах на столичный дух. Он заранее выбрал «Гранд Пасифик» как богатый местный отель, поэтому распорядился отвезти его туда. По пути он разглядывал городские улицы, как искусствовед, изучающий картину. Ма-

ленькие вагоны конки, выкрашенные желтым, голубым, зеленым и коричневым, которые он видел повсюду, запряженные усталыми тощими лошадками со звякавшими колокольчиками на шее, показались ему очень трогательными. Вагончики были хрупкими конструкциями, в основном из лакированной фанеры с латунными вставками и стеклянными окошками, но Каупервуд понимал, какое богатство они предвещали при дальнейшем развитии города. Он понял, что уличные трамваи на конной тяге или без нее — его призвание. Мысль о трамвайных линиях и безграничных возможностях для манипуляций с ними нравилась ему больше, чем банковское дело и организация биржевых торгов.

ГЛАВА 2

РАЗВЕДЧИК

Фрэнк Алджернон Каупервуд находился в Чикаго, с развитием которого вскоре окажется неразрывно связана его жизнь. Кто еще стяжает славу завоевателя этой западной Флоренции? Это был город певучего пламени, воплощение Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, грубый и неотесанный титан, — Роберт Бернс посреди других городов! Он раскинулся у мерцающего озера, как король в лохмотьях, как ворчащий мужлан, слагающий собственный эпос, как бродяга с железной хваткой будущего Цезаря и драматическим талантом Еврипида в душе. Город-бард, воспевающий великие деяния и возвышенные надежды, в тяжелых башмаках, глубоко увязших в трясине обстоятельств. Гордись своими Афинами, о Греция! Италия, воспевай свой Рим! Это был Вавилон, Троя или Ниневия давно минувших дней. Здесь ненасытный Запад сходил с исполненным надежд Востоком. Здесь голодные люди, набивавшие кровавые мозоли в своих лавках и на полях, из грязи воздвигали свою империю.

Из Нью-Йорка, Вермонта, Нью-Гемпшира и Мэна стекались разношерстные толпы энергичных, терпеливых, решительных людей, незнакомых с азбучными истинами этикета, но жаждущих вещей, об истинной ценности которых они не догадывались, даже если бы получили их, людей, стремивших-

ся к величию, но не ведавших путей к его достижению. Сюда прибывали мечтательные джентльмены с Юга, лишенные наследства, исполненные надежды выпускники Йеля, Гарварда и Принстона, предприимчивые рудокопы из Калифорнии и Скалистых гор с мешочками золота и серебра. Здесь почти каждый был ошеломленным иностранцем, сбитым с толку звуками чужеземной речи: венгры, поляки, шведы, немцы и русские создавали свои общины, опасаясь инородцев.

Здесь имелись чернокожие, мошенники, шулеры и прочие романтические искатели приключений. Город с небольшой горсткой местных уроженцев; город, наполненный отбросами общества из тысячи других городов. Сияли огни публичных домов; в барах звенели банджо, цитры и мандолины. Все возвышенные мечтания и низменные страсти находили уладу в новообретенном чуде столичной жизни на Западе.

Первым известным чикагцем, к которому обратился Каупервуд, был председатель правления Национального банка Лейк-Сити, крупнейшего финансового учреждения в городе с капиталом более четырнадцати миллионов долларов. Банк находился на Дирборн-стрит в Мунро, всего в двух кварталах от его отеля.

— Узнайте, кто он такой, — распорядился Джуд Эддисон, председатель правления банка, увидев Каупервуда, входящего в его приемную.

Через внутренние стеклянные двери в своем кабинете мистер Эддисон мог видеть всех, кто входил в приемную, прежде чем они встречались с ним. Лицо и манеры посетителя сразу же произвели на него впечатление. Долгое знакомство с банковскими домами и финансовыми учреждениями придавало особый лоск непринужденности и уверенности в себе, которой Каупервуд обладал от природы. Он выглядел необычайно энергичным для человека тридцати шести лет и при этом создавал впечатление учтивости, солидности и проницательности. Его глаза были ясными, как у ньюфаундленда или шотландской овчарки, такими же простодушными и обаятельными. Однако мягкий, излучающий глубокое понимание взгляд мог вдруг безжалостно метать молнии, он был обманчиво непроницаемым, но притягивал к себе внимание самых разных людей.

Секретарь вернулся с рекомендательным письмом Каупервуда, и тот не замедлил последовать за ним. Мистер Эддисон невольно встал, так он поступал далеко не всегда.

— Рад знакомству, мистер Каупервуд, — вежливо произнес он. — Я заметил вас, когда вы вошли. Как видите, у меня здесь из окна хороший обзор. Садитесь, прошу вас. Не хотите ли яблочка? — Он открыл левый ящик стола, достал несколько красивых красных яблок и протянул одно из них посетителю. — Я всегда съедаю яблоко по утрам.

— Спасибо, не стоит, — добродушно отозвался Каупервуд, привычно стараясь угадать характер и склад ума собеседника. — Благодарю за любезность, но я никогда не ем между завтраком и обедом. В Чикаго я проездом, но решил явиться к вам с письмом. Я полагаю, что вы можете рассказать об этом городе — меня интересует выгодное вложение капитала.

Пока Каупервуд говорил, Эддисон, коренастый, грузный, румяный, с седеющими каштановыми бакенбардами, кустившимися до самых ушей, и жесткими, пронзительными серыми глазами, жевал яблоко и беззастенчиво разглядывал посетителя. Как это бывает, он нередко судил о людях с первого взгляда и гордился этой своей способностью. Для такого консервативного человека, как он, было едва ли не глупо поддаться обаянию Каупервуда, человека, превосходившего его в интеллектуальном плане, но не из-за письма Дрекслея, где Каупервуд был рекомендован как «непревзойденный финансовый гений», который может принести большую пользу Чикаго, если обоснуется в городе, а из-за чарующего взгляда собеседника. Хотя внешне Каупервуд сохранял полнейшую невозмутимость, от него веяло огромной человеческой силой, покоровившей сердце его собрата-банкира. Оба они были себе на уме, но уроженец Филадельфии больше повидал на своем веку. Эддисон был добросовестным прихожанином и образцовым гражданином; Каупервуд не мог бы разделить взгляды Эддисона на мир. Каждый из них был безжалостен и старался брать от жизни все, но Эддисон был слабее, поскольку боялся рисковать. Человек, стоявший перед ним, утратил чувство страха. Эддисон рассудительно жертвовал на благотворительность, лицемерно следовал общественным установлениям, притворялся, что любит свою жену, которая давно ему надоела, и втайне предавал-

ся незамысловатым удовольствиям. Человек, стоявший перед ним, пренебрегал любыми правилами, таил свои замыслы, умел манипулировать близкими людьми и всегда действовал в свою пользу.

— Ну что же, мистер Каупервуд, — начал Эддисон. — Мы здесь, в Чикаго, высокого мнения о себе, но не говорим об этом в открытую, чтобы не прослыть слишком высокомерными. Мы вроде младшего сына в семье, который знает, что он лучше других, но до поры до времени скрывает свои амбиции. Мы не слишком воспитаны, а разве вам приходилось видеть любезного подростка? Но мы совершенно уверены, что станем любезными и приятными. Каждые полгода мы вырастаем из старых штанов, поэтому выгядим не слишком модно, но вы обнаружите, мистер Каупервуд, когда осмотритесь, под этой одеждой скрываются сильные мышцы и крепкие кости. Тогда вы не будете обращать особенного внимания на наши наряды.

Открытые и совершенно искренние глаза мистера Эддисона прищурились, и на мгновение их взгляд стал жестким, а в его голосе появились металлические нотки. Каупервуд видел, что он действительно влюблен в свой город. Чикаго был его искренней любовью. Секунду спустя в уголках его глаз собрались морщинки, складки возле губ разгладились, и он улыбнулся.

— Буду рад поведать вам обо всем, что в моих силах, — продолжал Эддисон. — Здесь есть много интересного.

Каупервуд дружелюбно улыбнулся в ответ. Он стал спрашивать о состоянии разных производств и ремесел. В Чикаго все было иначе, чем в Филадельфии: состояние дел здесь было шире и свободней. Стремление расти и практично использовать местные возможности были присущи Западу, что нравилось ему независимо от того, собирался ли он развивать свою активность в деловой жизни Чикаго. В любом случае здешний климат был благоприятным для его намерений. Ему предстояло преодолеть свое тюремное прошлое и освободиться от жены и детей, по крайней мере в юридическом смысле, поскольку он не хотел бросать их на произвол судьбы. Каупервуд желал приобщиться к энергии и смелости, которые царили в Западных штатах, ради той силы и свободы, с которой он игнорировал общепринятую мораль. «Мои желания — превыше всего» — таков был его девиз, но для этого ему предстояло

противостоять предрассудкам других людей. Он чувствовал, что этот банкир не станет податливой глиной в его руках, но склонен к взаимовыгодному знакомству.

— Город произвел на меня весьма благоприятное впечатление, мистер Эддисон, — сказал Каупервуд через некоторое время, хотя признавался самому себе, что это не совсем так; он сомневался, что сможет примириться с жизнью среди котлованов и строительных лесов. — Правда, после приезда я увидел немного, но, кажется, жизнь здесь бьет ключом и у Чикаго есть будущее.

— Полагаю, вы прибыли сюда через Форт-Уэйн, — отозвался Эддисон. — Вы видели самые худшие районы, разрешите мне показать вам более благоустроенные. Кстати, где вы остановились?

— В отеле «Гранд Пасифик».

— Как долго вы намерены пробыть здесь?

— Не более двух дней.

— Давайте посмотрим... — Мистер Эддисон извлек часы из жилетного кармана. — Думаю, вы не будете возражать против встречи с обществом уважаемых горожан. У нас есть небольшой буфет в клубе «Юнион-лиги»¹, куда мы время от времени заглядываем. Если желаете, мы могли бы прийти туда к часу дня. Мы обязательно найдем там нескольких видных юристов, судей и бизнесменов.

— Это будет замечательно, — без обиняков согласился Каупервуд. — Более чем щедрое предложение с вашей стороны. Между тем я собираюсь встретиться еще кое с кем, а потом... — он встал и посмотрел на собственные часы, — ...я найду клуб «Юнион-лиги». Не подскажете, где находится офис «Арнил и К°»?

При упоминании оптового поставщика говядины, который был одним из крупнейших вкладчиков банка, Эддисон одобрительно склонил голову. Этот человек, как минимум на восемь лет моложе него, казался ему будущим финансовым магнатом.

¹ «Юнион-лига» — система мужских республиканских клубов полузакрытого типа, созданная в годы Гражданской войны в США (1861—1865) в поддержку президента Линкольна и против демократов, среди которых были сильны антивоенные настроения (*Примеч. пер.*).

После встречи с солидным и хватким консерватором Арнилом и изворотливым директором фондовой биржи Каупервуд направился в клуб «Юнион-лиги». Там он нашел разношерстную компанию от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет, собравшуюся вокруг стола в отделанной резным черным орехом зале, увешанной портретами знатных граждан Чикаго и с намеком на художественный вкус в виде оконных витражей. Тут были мужчины высокие и приземистые, полные и худые, темноволосые и блондины, многие лица напоминали хищных животных. Слабаков в этом избранном обществе не наблюдалось.

Мистер Арнил и мистер Эддисон показались Каупервуду дальновидными деловыми людьми. Его заинтересовал некто Энсон Мэррилл, худощавый господин с манерами, говорящими о привычке жить среди роскоши и многочисленных слуг. Эддисон назвал Мэррилла известным в Чикаго мануфактурщиком.

Еще одной знаменитостью был мистер Рэмбо, пионер строительства железных дорог. Представляя их друг другу, Эддисон шутливо заметил:

— Мистер Рэмбо, мистер Каупервуд из Филадельфии пробует выяснить, где он тут может потерять деньги. Не могли бы вы продать ему кусок тех пустошей, которые приобрели на Северо-Западе?

Рэмбо, худощавый и бледный чернобородый господин со сдержанными манерами, одетый, как заметил Каупервуд, с большим вкусом, чем многие из присутствующих, окинул его внимательным взглядом и улыбнулся приятной, слегка застенчивой улыбкой. Ответный взгляд ему было трудно забыть: глаза Каупервуда говорили больше, чем любые слова. Вместо того, чтобы отделаться незначительной шуткой, мистер Рэмбо решил объяснить ему кое-что о положении дел на Северо-Западе.

Для человека, недавно вышедшего победителем из тяжелейшей жизненной передраги, испытывавшего на себе все нюансы порядочности и предательства, сочувствия и бюрократизма влиятельных людей в одном городе Америки, настроение влиятельных людей в другом большом городе Америки не имело особого значения. Каупервуд уже давно понял, что человеческие качества одинаковы в разных обстоятельствах; ни кли-